

смысле) государства. Но оно также содержит в себе потенциал для дальнейшего развития демократии и сотрудничества с экономически развитыми странами Запада. Именно на эти ценности и может опереться либеральная часть интеллектуальной элиты, если построение демократического и прозападного государства входит в ее планы.

* * *

Результаты данного исследования в целом совпадают с выводами, содержащимися в американской литературе о роли общественного мнения в современном демократическом обществе. Сопоставление эволюции взглядов населения и интеллектуальной элиты России показывает, что элита и общество нередко движутся в одном и том же направлении. Как и в более развитых демократических странах, влияние российского общественного мнения на риторику элиты не абсолютно. К тому же в тех случаях, когда общественное мнение и достигает элиты, его роль весьма специфична. Элита предпочитает пользоваться консервативными установками общественного мнения, игнорируя более либеральные и демократические тенденции. Возможно, это объясняется особенностями российской электоральной политики. Включая консервативные элементы общественного мнения в свой дискурс, элита пытается привлечь на свою сторону оппозиционный электорат как коммунистов, так и "патриотов", полагая при этом, что более либеральная, прозападная, демократическая и толерантная часть избирателей и без того поддержит правящий режим. Характерно, что интеллектуальная элита оказалась способной пожертвовать большинством своих первоначальных установок, за исключением принципиального для нее экономического либерализма. Таким образом, российская интеллектуальная элита прислушивается к общественному мнению только в тех случаях, когда это отвечает ее насущным интересам.

К сожалению, пока отсутствуют систематические данные, позволяющие соотнести Россию не только с развитыми странами Запада, но и с другими посткоммунистическими государствами как бывшего СССР, так и Восточной Европы. Однако сравнительные исследования такого рода необходимы для того, чтобы лучше понять природу обществ, находящихся в процессе становления демократии. Следующей стадией данного проекта и станет заполнение этой лакуны.

Марина КРАСИЛЬНИКОВА

Динамика общественных статусов за 20 лет

Проблемы социальной стратификации российского общества являются ключевыми для отечественной социологии. Во многих исследованиях, посвященных этой тематике, проводится анализ динамики и структуры субъективных оценок населением своего положения на воображаемой социальной лестнице. В силу характера имеющейся эмпирической информации анализ таких данных до сих пор проводился на основе сопоставления опросов общественного мнения, проведенных в разное время и не по панельной выборке. Однако при таком подходе сравнение усредненных показателей возможно только по заранее выделенным группам опрошенных, следовательно, здесь нельзя учесть возможные структурные изменения внутри этих групп — это первое обстоятельство, которое необходимо отметить. Второе — в ряде случаев эмпирические данные позволяли проводить сравнения субъективных оценок социального статуса респондентов в текущий момент и в некоторый период в про-

шлом или будущем на базе сопоставления индивидуальных данных. Однако такие эмпирические данные имелись только для относительно коротких отрезков времени — не более десяти лет. Изменение же статусных позиций — это весьма инерционный процесс. Временные интервалы в пять—десять лет могут оказаться недостаточными для адекватной характеристики процессов, протекающих в России на протяжении всех лет социально-экономических перемен. Описание структуры сегодняшнего российского общества, с точки зрения долгосрочной динамики статусных самооценок людей, образующих это общество, может помочь более точно определить размеры различных групп населения и характер их отношения к происходящим переменам.

Тема данной статьи — анализ структуры российского общества в разрезе динамики субъективных оценок общественного положения за 20 лет социально-экономических перемен в России — с начала 80-х годов до конца прошлого века. Информационной базой анализа послужили данные исследования социально-политических ценностей, проведенного в России весной 2000 г. в рамках международной исследовательской программы, инициированной Университетом Виадринна (Франкфурт-на-Одере, Германия). В России были опрошены 1500 респондентов, репрезентирующих взрослое (старше 18 лет) городское и сельское население страны. Анкета среди прочего включала вопрос о самооценке своего положения на воображаемой общественной лестнице*, традиционный для исследований по данной теме. Респондента просили дать оценку общественного статуса своей семьи для разных периодов: респонденты определяли общественный статус своей семьи в начале 80-х годов, затем — в начале 90-х годов, и наконец, — в настоящее время.

1980-е и 1990-е годы представляют два разных этапа процесса социально-экономической трансформации российского общества. 1980-е годы условно можно охарактеризовать преимущественно как период распада прежнего общества, отрицания старого, расцвета идеалистических надежд в социально-политической сфере жизни, период "первой волны кооперации" в области экономики. 1990-е годы — это скорее этап становления нового общества, период, с одной стороны, утраты иллюзий 1980-х годов, а с другой — практического создания нового хозяйственно-экономического устройства общества, становления российского бизнеса, политических структур, отличных от прежних, социалистических. Материалы данного исследования позволяют проанализировать, какие группы населения в большей или меньшей мере смогли воспользоваться преимуществами и недостатками этих двух различных этапов трансформационного процесса. В конечном счете, такой анализ покажет, какова история развития различных социальных слоев нынешнего общества.

Возможности использования данных о самооценках общественного статуса для анализа социальной динамики общества уже не раз обсуждались в научной литературе**, и этот инструментарий является общепризнанным. Возражения может вызвать попытка "объективного" анализа воспоминаний респондентов 10-летней, а тем более 20-летней давности, которые, безусловно, отражают не только (или, может быть, даже не столько) ситуацию прошлых лет, но и сегодняшнее их положение. Кроме того, для

* Вопрос формулировался так: "Одни люди полагают, что они занимают высокое общественное положение, другие — что низкое. Вообразите себе лестницу из семи ступенек, каждая из которых соответствует определенной социальной позиции. Первая ступенька соответствует самой нижней позиции, а седьмая — самой верхней. На какую ступеньку Вы бы поставили свою семью..?"

** См., например: *Левада Ю.* "Средний человек": Фикция или реальность? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1998. № 2.

Динамика общественных статусов за 20 лет
(в % от общего числа опрошенных в каждом периоде,
N=1500 (899) человек)

Степень	Начало 1980-х годов	Начало 1990-х годов	Начало 2000 г.
1 (нижняя)	1 (1)	4 (5)	20 (27)
2	5 (4)	11 (12)	25 (27)
3	16 (16)	26 (28)	25 (24)
4	33 (33)	33 (32)	19 (15)
5	27 (28)	17 (17)	7 (5)
6	12 (12)	6 (4)	3 (2)
7 (верхняя)	6 (7)	2 (3)	1 (1)

части респондентов 20-летняя ретроспектива общественного статуса собственной семьи в значительной мере выходит за рамки личного социального опыта, поскольку они тогда либо были слишком молоды, либо вообще не родились.

Возражение первого рода не является существенным для данного исследования, задача которого — анализ социальной структуры современного общества на основе выявления и описания групп населения с различной динамикой статусов за годы социально-экономических преобразований. С точки зрения данной задачи, важны именно *современные* представления людей о том, что произошло с их семьями за эти годы. Для современного социального действия возможные "заблуждения памяти" не менее важны, чем реальные факты.

Второе возражение имеет непосредственное отношение уже и к данному исследованию. Действительно, даже по показателям числа ответивших "не знаю" можно полагать, что оценка 10- и 20-летней ретроспективы вызывала большие затруднения. Число ответов "не знаю" возрастает почти в геометрической прогрессии: от 1,9% в ответах на вопрос о сегодняшнем статусе, до 3,5% — о статусе в начале 1990-х годов и 7,3% — о статусе в начале 1980-х годов. В 80–90% случаев ответившие "не знаю" на вопросы о статусе в прошлом — это, как и следовало ожидать, люди в возрасте до 40 лет. Чтобы проверить, насколько значимо влияние возраста респондентов на структуру анализируемых данных, все расчеты проводились одновременно как по всей выборочной совокупности, так и только по ответам респондентов старше 40 лет. В последующем изложении результаты расчетов приводятся одновременно: данные в скобках — только по подвыборке респондентов в возрасте старше 40 лет. Забегая вперед, скажем, что принципиальных различий обнаружено не было. Очевидно, это ставит под сомнение то преувеличенное значение, которое придается возрастным показателям при обсуждении проблем успешной или неуспешной адаптации населения в условиях социально-экономических перемен в России.

Итак, судя по усредненным самооценкам общественного статуса, за 20 лет социально-экономических преобразований в России происходило плавное и значительное снижение социального самочувствия (табл. 1). Это общее направление движения фиксировалось и в других исследованиях на эту тему*.

Анализ плавного и, казалось бы, однонаправленного движения усредненных оценок позволил сделать вывод о том, «что в глазах большинства респондентов все общество целиком, всеми своими этажами "проседает"»**. Вместе с тем большинство авторов, включая и автора только что упомянутой статьи, фиксируют и интенсивные процессы дифференциации социальных статусов, основываясь на данных о значительном росте числа тех, кто отмечает понижение своего общественного статуса, а также на некотором возрастании численности улучшивших общественный статус.

Что происходило с социальной структурой общества, а главное, как происходило? Для анализа динамики социальных статусов для каждого респондента были рассчитаны индивидуальные показатели, отражающие изменения самооценок общественного статуса в разные периоды. Показатели рассчитывались на основе сравнения уровней самооценок и выделялись три состояния: уровень самооценки снизился, повысился и не изменился. Таким об-

разом, вне рассмотрения на этом этапе оставался вопрос об интенсивности изменений, т.е. неважно, например, произошло ли улучшение самооценки общественного статуса на одну степень или на две, три и т.д. в начале 1990-х по сравнению с началом 1980-х годов, главное, что респондент зафиксировал улучшение общественного статуса. На основе сопоставления уровней самооценок отдельно для временного интервала "начало 1980-х годов" и "начало 1990-х годов" и для интервала "начало 1990-х годов" и "нынешнее время (напомним, опрос проводился в начале 2000 г.)" были построены два показателя, отражающие общее направление динамики общественных статусов на первом и втором этапах социально-экономических преобразований в России. Предварительный анализ показал, что примерно треть респондентов отмечала разнонаправленную динамику общественного статуса своих семей за эти 20 лет. Поэтому на основе совмещения этой пары новых показателей была построена еще одна новая переменная, отражающая динамику общественных статусов уже за весь 20-летний период в целом. Для анализа были выделены семь групп респондентов, различающихся по характеру динамики самооценок общественного статуса за 20 лет реформ:

Группа	%
Непрерывно ухудшавшие статус на протяжении 1980-х и 1990-х годов	30 (37)
Сохранившие статус в 1980-е, но ухудшившие в 1990-е годы	19 (20)
Сохранившие неизменный статус и в 1980-е, и в 1990-е годы	11 (11)
Сохранившие неизменный статус в 1980-е и улучшившие в 1990-е годы	3 (2)
Непрерывно улучшавшие статус на протяжении 1980-х и 1990-х годов	3 (1)
Улучшившие статус в 1980-е, затем ухудшившие/не изменившие в 1990-е годы	9 (8)
Ухудшившие статус в 1980-е, затем улучшившие/не изменившие в 1990-е годы	18 (18)

В совокупности выделенные группы описывают динамику социальных статусов 92 (97)% всех опрошенных.

Сопоставление размеров выделенных групп подтверждает вывод о значительном преобладании нисходящей социальной динамики над восходящей. По размеру эти группы различаются на порядок (или более): 30 (37)% против 3 (1)% или 49 (57)% против 6 (3)% в зависимости от того, причислять группы сохранявших неизменный статус в 1980-е годы, а затем улучшавших или ухудшавших статус в 1990-е годы, к соответственно улучшившим или ухудшившим статус в целом за 20 лет или нет.

На уровне анализа только этих показателей косвенно подтверждается вывод о некотором росте доли повысив-

* См., например: Россия на рубеже веков. М.: РОССПЭН; РНИСиНП, 2000; Косова Л. Социальные реформы и динамика изменения статусов // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1997. № 6; Левада Ю. Пятилетние группы — пятилетние сдвиги (Опыт ретроспективного лонгитюда) // Мониторинг общественного мнения... 1999. № 2.

** Косова Л. Указ. соч.

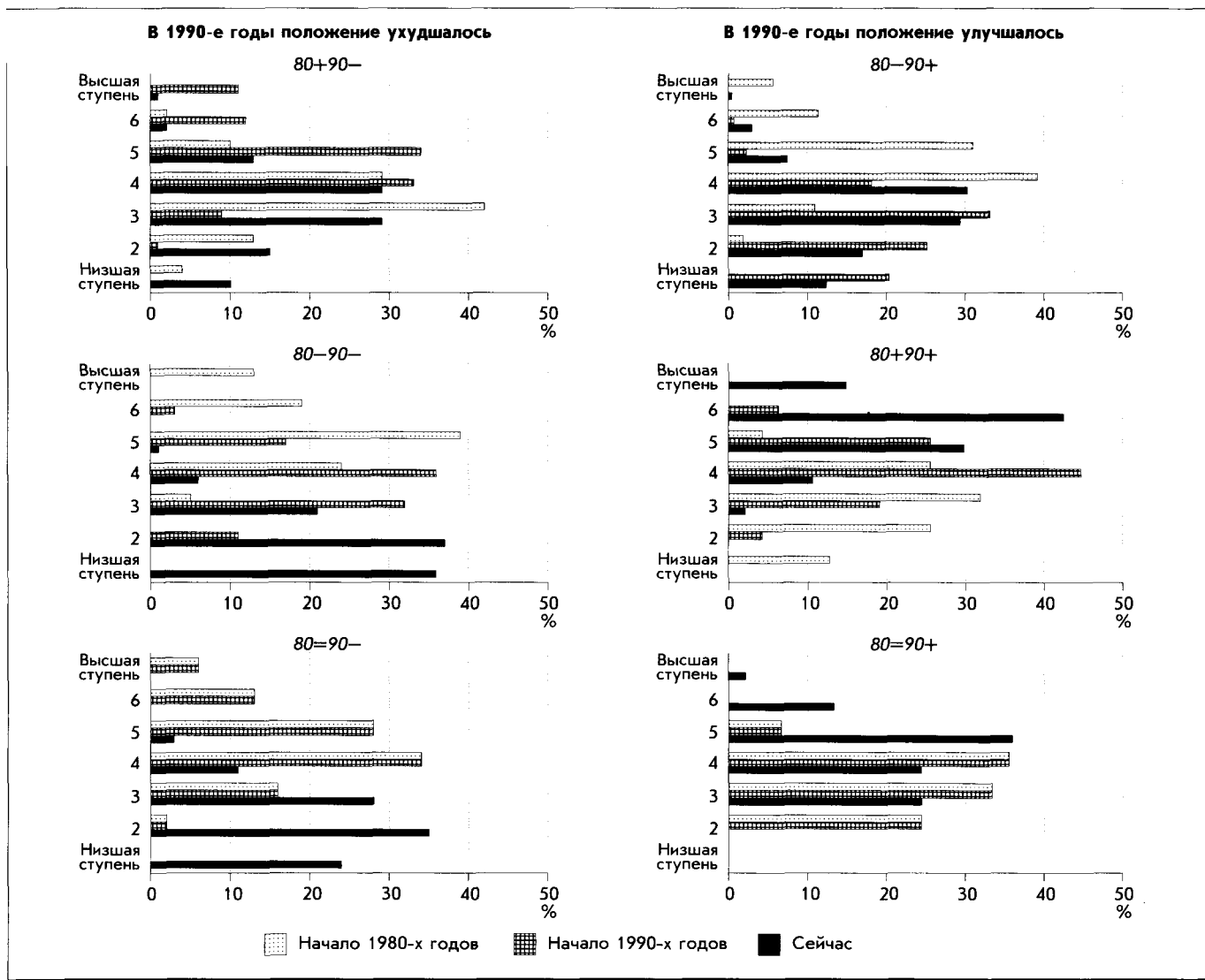

Рис. 1. Изменения социальной структуры по группам динамики статусов

ших свой социальный статус в 1990-е годы. Действительно, в совокупности доля тех, кто смог повысить свой статус в 1990-е годы, вдвое превышает долю тех, кто смог это сделать в 1980-е годы (24 (21) против 12 (9)%).

Индивидуальные (на уровне каждого респондента) данные о динамике социальных статусов позволяют более подробно показать, с чего начинали и к чему пришли за 20-летний период все эти различные группы населения. На рисунке 1 показана динамика субъективных позиций на социальной лестнице для выделенных групп населения (чтобы не загромождать рисунок, данные приводятся только по всей выборке; при обсуждении этого рисунка в тексте по-прежнему в скобках приводятся данные по подвыборке "старше 40 лет").

Начнем с наиболее многочисленной группы — тех, чей *социальный статус ухудшился на протяжении всего 20-летия* (30 (37)% опрошенных). Обозначим эту группу '80-90-'. В среднем за 20 лет представители этой группы спустились более чем на три ступеньки вниз по социальной лестнице. В 1980-е годы их оценка социального статуса равнялась 5,1 (5,1), а в настоящее время — 2,0 (1,9). Можно сказать, что в этой группе собраны благополучные представители советской эпохи, которые в результате трансформаций скатились почти на дно общества. В начале 1980-х годов никто из них не ставил себя

на 1 и 2 (низшие) ступеньки социальной лестницы, в то время как сейчас к этим позициям себя отнесли 73 (75)% опрошенных. Процесс потери социального статуса происходил плавно на протяжении всего 20-летнего периода.

Вторая по численности группа примыкает к первой и по смыслу. Она состоит из тех, кому *удавалось сохранить общественный статус на протяжении 1980-х годов, но в 1990-е годы произошло ухудшение социального положения* (19 (20)% опрошенных). Обозначим эту группу '80=90-'. В целом за 20 лет такие респонденты спустились вниз примерно на две ступени: с 4,5 (4,4) в начале 1980-х и 1990-х годов до 2,3 (2,2) в настоящее время. Соответственно, интенсивность процессов потери социального статуса в последние годы в этой группе была выше, чем в предыдущей. Однако к настоящему времени их положение все же несколько лучше, чем у представителей первой группы. Чаще всего они ставят себя на вторую или третью ступень общественной лестницы, а не на первую и вторую.

Значительное ухудшение социального положения в рассматриваемых двух группах, в совокупности составляющих половину взрослого населения страны, выражается в остром ощущении собственной ущербности. Это чувство выражается в том, что никто из представителей данных двух групп в настоящее время не поставил себя на высокие ступени социальной лестницы — шестую и седьмую. Лишь 4 (3)% представителей

из обеих групп отнесли себя к пятой категории, т.е. на одну ступень выше середины лестницы.

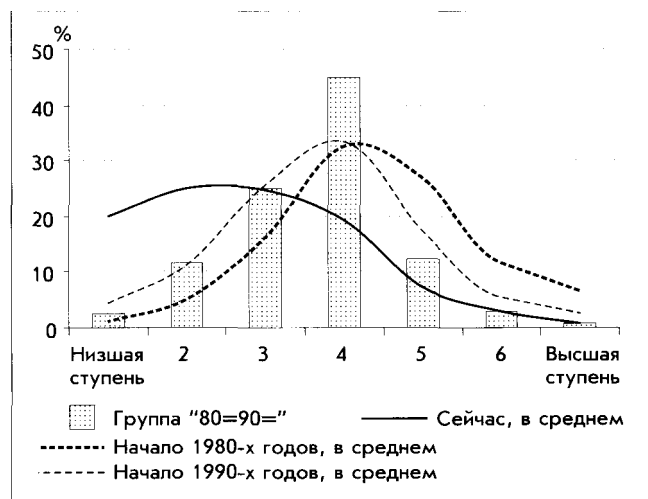
На противоположном полюсе оси перемен располагаются немногочисленные группы респондентов, отмечающих, во-первых, непрерывный рост общественного положения на протяжении 20-летнего периода (3 (1)% опрошенных). Во-вторых те, кто смог повысить свой статус в последние годы, при этом сохранив его неизменным в первое десятилетие трансформаций (также 3 (2)% опрошенных). Судя по самооценкам респондентов, это в полном смысле антиподы предыдущих двух групп.

Непрерывно повышавшие статус на протяжении 20-летия респонденты (обозначим эту группу '80+90+') считают, что они поднялись чуть ли не с самого дна общества. В начале 1980-х годов 40 (27*)% из них ставили себя на первую и вторую ступени социальной лестницы, а сейчас уже не ставит никто. В начале 1980-х годов лишь 4 (9)% из них щедро определили свою принадлежность к пятой ступени, а выше — никто не осмелился. Сейчас к шестой и седьмой ступеням общественной лестницы себя относят большинство представителей этой группы 58 (73)%. На уровне средних по группе показателей ситуация развивалась также впечатляюще стремительно: в начале 1980-х годов в среднем статус равнялся 2,8 (3,2), в начале 1990-х — 4,1 (4,5), и сейчас — 5,6 (5,8). В среднем за 20 лет представители этой группы поднялись вверх по социальной лестнице на три ступени.

Вторая, столь же немногочисленная группа успешных представителей нашего общества, *преуспевшая в 1990-е годы и сумевшая сохранить неизменные позиции в 1980-х годах (обозначим эту группу '80=90+')*, состоит преимущественно из представителей тех, кто склонен относить себя к середине. Эти люди никогда не относили себя к самому дну (к низшей ступени социальной лестницы). А сейчас лишь 15 (18)% из них поставили себя на высшие, шестую и седьмую ступени. Они скромно отмечают, что поднялись на одну ступеньку общественной лестницы: в среднем их статус равнялся 3,2 (3,3) в начале 1980-х и 1990-х годов, а сейчас составляет 4,5 (4,5). Если в начале и середине рассматриваемого периода представители этой группы довольно равномерно распределялись между второй, третьей и четвертой ступенями общественной лестницы, то сейчас они практически столь же равномерно переместились на третью, четвертую и пятую ступени.

Весьма интересно положение в обществе группы респондентов, *одинаково оценивающих свое положение на социальной лестнице на протяжении всего периода (11 (11)% опрошенных). Обозначим эту группу '80=90='*. Как и предыдущая группа, это чаще всего те, кто склонен относить себя к середине (рис. 2), — 45 (43)% респондентов в этой группе поставили себя на четвертую (среднюю) ступень, в среднем статус этой группы равнялся на протяжении всего периода 3,6 (3,6). Однако здесь следует ввести в рассмотрение одно внешнее обстоятельство, которого мы пока не касались. Речь идет о статусной динамике общества в целом. Как уже упоминалось выше, за рассматриваемый период произошло заметное снижение самооценок в обществе в целом. На рисунке 2 линии показывают, как распределялись статусные позиции в среднем в обществе в разные периоды. На этом фоне субъек-

* В силу крайней малочисленности этой группы, особенно в старших возрастах, трудно всерьез анализировать данные показатели. Однако здесь следует отметить, что респонденты в возрасте старше 40 лет заметно менее категоричны в оценках собственного прошлого — 63% из них в начале 1980-х годов относили себя не к первой и второй, а к третьей и четвертой ступеням социальной лестницы. Однако свой нынешний успех старшее поколение оценивает заметно выше. Оно чаще, чем в среднем, относит себя к высшим ступеням социальной лестницы.

Рис. 2. Изменения социальной структуры общества за 20 лет и положение группы респондентов с неизменными статусными позициями

тивно оцениваемые как неизменные общественные позиции рассматриваемой группы респондентов выглядят иначе. Их уже можно оценивать как фактическое улучшение общественного положения. Действительно, если в начале 1980-х годов статус этой группы респондентов был заметно ниже, чем в среднем по обществу (3,6 (3,6) против 4,4 (4,5)), то в настоящее время он уже оказывается столь же заметно выше (3,6 (3,6) против 2,8 (2,5)).

Казалось бы, группу респондентов, считающих свои общественные позиции неизменными, правомерно отнести к числу тех, кто фактически улучшил свое положение в обществе за 20 лет социально-экономических перемен.

Количественные сопоставления динамики статусных оценок отдельных респондентов (групп респондентов) с аналитически рассчитанными показателями в среднем по обществу имеют смысл постольку, поскольку они отражают различия в уровнях оптимизма (пессимизма) отдельных людей (групп людей) и всей совокупности общества. Относительное улучшение общественного положения группы тех, кто субъективно оценивает свой социальный статус как неизменный, еще раз показывает, что в современном российском обществе стабильность есть синоним успеха.

Еще более неоднозначна оценка динамики общественного положения за 20 лет оставшихся двух групп респондентов, чьи самооценки положения на социальной лестнице менялись разнонаправленно. В совокупности это весьма значительная часть населения — 27 (26)% опрошенных, в том числе 18 (18)%, т.е. две трети, полагали, что их положение *улучшалось в 1990-е годы после ухудшения в 1980-е годы (обозначим эту группу '80-90+')*, а 9 (8)% (оставшаяся треть), напротив, отмечали *ухудшение своего общественного положения в последние годы, хотя в 1980-е годы им удалось улучшить свой статус (обозначим эту группу '80+90-')*.

Сегодняшний средний статус группы '80-90+' равен 3,1 (2,9), а средний статус тех, кому это удалось сделать только в 1980-х годах (группа '80+90-') — 3,3 (3,1). При одинаковых позициях сейчас, эти две группы (разнонаправленного движения статусов) начинали из разных исходных точек в начале 1980-х годов. Терявшие статус в 1990-е годы (после приобретений в 1980-е годы) в начале 1980-х годов имели заметно более низкий статус (3,3 (3,4) по сравнению с 4,4 (4,5) по обществу в целом), по сравнению с теми, кто улучшил свой статус в 1990-е после потерь 1980-х годов. Эти последние в начале 1980-х годов занимали, как правило, высокие позиции в обществе (в среднем 4,6 (4,6) по сравнению

Структура социальных слоев современного общества
(в % от общего числа опрошенных
в каждом социальном слое)

Группы динамики статусов	Нижний слой N=621 (462)	Средний слой N=703 (388)	Верхний слой N=54(20)
80-90-	52 (54)	17(21)	- (-)
80=90-	26 (25)	17 (17)	- (-)
80-90+	13 (12)	25 (26)	17(10)
80+90-	5 (5)	14 (11)	9 (5)
80=90=	4 (3)	19 (19)	11 (25)
80=90+	- (-)	5 (5)	13 (20)
80+90+	- (-)	3 (1)	50 (40)

с 4,4 (4,5) по обществу в целом). Терявшие свой статус в 1990-е годы, практически не изменили его по сравнению с началом 1980-х годов, т.е. потери 1990-х и завоевания 1980-х годов компенсировали друг друга. Напротив, приобретавшие статус в 1990-е годы после потери в 1980-х годах, не смогли возместить потери первого этапа трансформаций и восстановиться до уровня начала 1980-х годов. Возможно, это есть косвенное свидетельство того, что глубокие потери этапа шоковой терапии (начала 1990-х годов) еще не преодолены даже той группой общества, которая сумела продвинуться вверх после этой процедуры.

Таким образом, для 9 (8)% населения, потерявших в статусе в 1990-е годы, более долгосрочная 20-летняя ретроспектива, оказалась стабильной. В то время как для вдвое более многочисленной (18 (18)%) группы улучшивших свой статус в 1990-е годы, долгосрочная ретроспектива оказалась, напротив, отрицательной.

Потери и приобретения 1990-х годов представителей групп с разнонаправленной динамикой общественных статусов оцениваются совершенно иначе в зависимости от продолжительности ретроспективного периода. Однако во всех случаях представители обеих групп разнонаправленной динамики статусов в среднем сейчас оказываются в несколько более благополучном положении относительно общества в целом. При этом, если для группы '80+90-' в 20-летней перспективе это не только относительный успех, но и абсолютная стабильность, то для группы '80-90+' — успех только относительный; в долгосрочной перспективе они в среднем в проигрыше.

Ответ на поставленный в начале статьи вопрос "что и как?" происходило с социальной структурой российского общества за 20 лет перемен, может быть получен двумя способами. Во-первых, путем анализа того, в каком направлении перемещались представители различных слоев общества образца начала 1980-х годов, и во-вторых, какое положение в прошлом занимали те, кто в нынешнем обществе стоит на разных его ступенях. В рамках имеющегося эмпирического материала, отражающего сегодняшние воспоминания людей о своем прошлом, второй подход представляется единственно возможным. Нам кажется очевидным, что глубокое ощущение потерь, которое отразилось в самооценках респондентов с отрицательной динамикой статусов, равно как и преувеличенные оценки успехов другими представителями нынешнего общества, не свободны от "заблуждений памяти". Самооценки статусных позиций, которые давали респонденты, суть концентрированное выражение и отношения к происходящим переменам, и оценка того, как эти перемены отразились на личной судьбе каждого. Поэтому такие ретроспективные оценки имеет смысл анализировать только с позиции настоящего времени.

Итак, представители различных слоев сегодняшнего общества, судя по самооценкам, имеют весьма различные корни в прошлом. Для удобства рассмотрения в таблице 2 семь ступенек социальной лестницы сгруппированы в три, обозначающие нижний (первая и вторая ступени), средний (третья—пятая ступени) и верхний (шестая и седьмая ступени) слои современного общества.

Учитывая приведенные выше характеристики самооенок социального положения респондентов по группам динамики общественных статусов, можно сказать, что сейчас внизу социальной лестницы оказались те, кто занимал высокое общественное положение при социализме: 78 (79)% представителей нижнего слоя общества относятся к двум группам понизивших свой статус за последние 20 лет. На самом верху, напротив, те, кому удалось вырваться почти из самых низов советского общества: 63 (60)% относятся к двум группам повышавших общественный статус на протяжении периода трансформаций. Наиболее массовая середина сегодня чаще всего (58 (56)%) состоит из тех, кто и при социализме

занимал такое же положение, а годы трансформаций, по собственному мнению респондентов, либо не принесли никаких изменений, либо пришлось переживать и ухудшение, и улучшение общественного положения.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что на фоне значительных потерь, ощущаемых половиной населения страны, считающих, что их общественное положение ухудшалось, стабильность или разнонаправленность динамики общественного статуса серединной части общества выглядит как некоторое улучшение ситуации.

Итак, примерно половина населения страны существенно понизила свой социальный статус на протяжении 20 лет социально-экономических перемен и оказалась внизу социальной лестницы. Очевидно, это те, кого можно назвать проигравшими, обиженными. Небольшая часть (в наших расчетах порядка 6 (3)%) смогла за это же время существенно улучшить свое положение и сейчас в основном занимает самые верхние статусные позиции. В промежутке между ними — середина, которая составляет практически вторую половину населения страны. С небольшими оговорками, обсуждавшимися выше, можно сказать, что такие люди и до, и в результате перемен располагаются на том же самом месте в обществе — они составляют и составляют его середину. В дальнейшем будем рассматривать эти три укрупненные группы: "проигравшие" — 49% населения, "выигравшие" — 6% и "средняки" — 45% населения. Поскольку уже было показано, что учет возрастных различий принципиально не меняет рассматриваемую структуру, данные будут приводиться только по всему населению в целом.

Социально-демографический портрет выигравших и проигравших в результате трансформаций групп населения страны был не раз описан в исследованиях на эту тему. Результаты данного опроса подтверждают, что среди проигравших — в основном пенсионеры, люди, как правило, чуть менее образованные, работники государственных предприятий и организаций, жители сельских районов. Среди выигравших, напротив, преобладают люди в трудоспособном возрасте, работники частных и приватизированных предприятий, городские жители.

Можно добавить лишь несколько штрихов, характеризующих особенности трудовой жизни представителей рассматриваемых групп населения (они не часто рассматриваются при таком анализе). В таблице 3 приведены данные о распределении ответов только работающих на момент опроса представителей выделенных трех групп населения с различной динамикой социальных статусов. Как видно, у группы выигравших обстановка трудовой жизни заметно более благоприятна. Данные не подтверждают, что наиболее распространенная стратегия выживания: поиски дополнительной работы, смена профессии и места работы —

Таблица 3

Некоторые характеристики положения на рынке труда (работающие респонденты)

Характеристика	Проигравшие N=367	Средняки N=427	Выигравшие N=66
Есть дополнительная работа (%)	19	22	18
<i>В том числе</i>			
постоянно	9	8	12
время от времени	11	14	6
Работает по той специальности, по которой получил образование (%)	39	40	49
Опасается потерять работу (%)	46	38	24
Позиции на работе сейчас, по сравнению с тем, как было десять лет назад (только для тех, кто имел работу десять лет назад) (%)			
улучшились	20	36	75
не изменились	30	32	12
ухудшились	50	32	12
Смена профессии за десять лет (число раз в среднем)	1,3	1,4	0,9
Смена места работы за десять лет (число раз в среднем)	1,9	1,8	1,1
Продолжительность рабочей недели (часов, в среднем)	45	43	47

обязательно приводит к успеху. Выигравшие несколько реже, чем в среднем, имеют какую-либо дополнительную работу. Однако если уж они работают дополнительно, то чаще всего на постоянной основе (в отличие от остальной части работающих, которые в основном имеют случайные дополнительные приработки). Выигравшим заметно реже приходилось за последние десять лет менять профессию или работодателя. Они чаще, чем в среднем, работают по той специальности, по которой получили образование. Соответственно, за это время они сумели значительно улучшить свои позиции на работе и существенно реже опасаются ее потерять. Однако работать им приходится несколько больше, чем всем остальным, — у них наибольшая средняя продолжительность рабочей недели.

Некоторые характеристики ценностных ориентации.

Наверное, такое сочетание признаков позволяет сделать вывод, что выигравшие в результате трансформаций — это те, кто оказался "в нужном месте, в нужное время", имел "нужные навыки/профессию" и, пожалуй, главное, смог этим распорядиться. Это соображение подтверждается и анализом различий (точнее, во многом — их отсутствием) в представлениях рассматриваемых групп респондентов о том, что важно для достижения успеха в жизни (рис. 3).

Как видно, все группы населения примерно одинаково оценивают важность предложенных факторов жизненного успеха. Примечательно, что наиболее важными все люди считают индивидуальные качества, которые в наибольшей степени зависят от самого человека: трудолюбие, способности, образование, честолюбие, наличие нужных знакомств. Все это не столько дано от рождения, сколько может быть воспитано или развито самим человеком, независимо от его происхождения. Из предложенного респондентам списка в ряд индивидуальных качеств можно добавить только, пожалуй, занятие незаконной деятельностью и вероисповедание. Однако этим последним все опрошенные отводят скорее маловажную роль (средний балл выше трех).

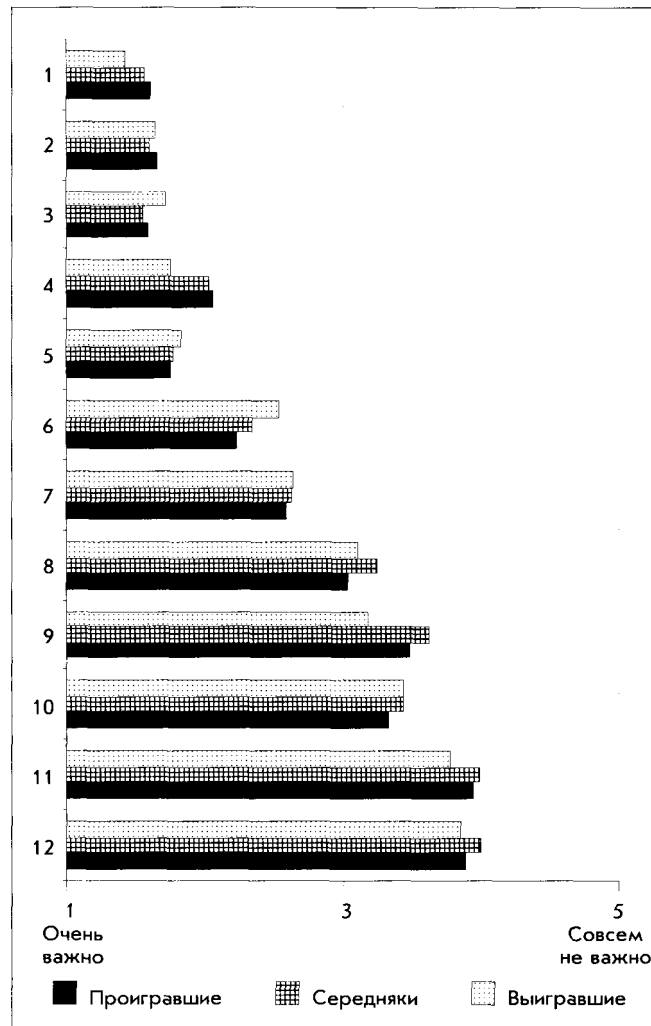

Рис. 3. Факторы жизненного успеха (среднее значение по пятибалльной шкале, где 1 — очень важно и 5 — совсем не важно)

1 — упорная работа; 2 — талант, способности; 3 — хорошее образование; 4 — честолюбие; 5 — наличие нужных знакомств и связей; 6 — происхождение из богатой семьи; 7 — образованные родители; 8 — занятие незаконной деятельностью; 9 — пол; 10 — часть страны, откуда человек родом; 11 — национальность, этническая группа; 12 — вероисповедание

Факторы жизненного успеха, самым непосредственным образом связанные с происхождением — богатая семья и высокообразованные родители, в большей мере ценятся проигравшими или середняками. Это не удивительно, поскольку выше уже было показано, как выигравшие считают, что они смогли самостоятельно подняться вверх почти с нижних ступенек общества. Они своим личным опытом как бы опровергают исключительную значимость семейной помощи для достижения жизненного успеха. Удивительно другое. В настоящее время выигравшие в среднем имеют несколько более высокий уровень образования, по сравнению с остальными группами, однако как фактор успеха они оценивают его чуть ниже, чем в среднем.

Более всего заметны различия в оценках честолюбия и упорной работы как важных факторов жизненного успеха — выигравшие чаще, чем в среднем, обращают внимание на эти человеческие качества.

Другое значимое отличие связано с группой факторов, не зависящих от отдельного человека — часть страны, откуда человек родом, пол, национальность или этническая группа. Выигравшие так же, как и остальная часть насе-

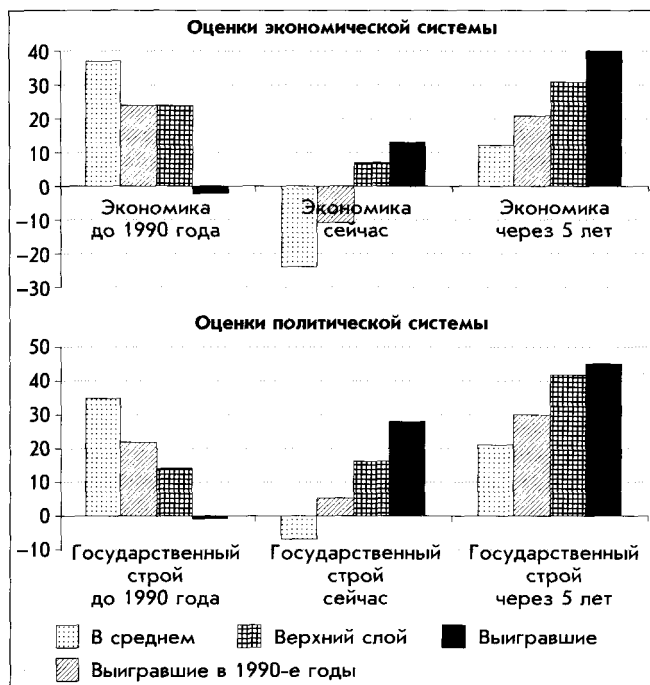

Рис. 4. Оценки политической и экономической системы в среднем по группам опрошенных, по шкале от "-100" (наихудшая оценка) до "+100" (наилучшая оценка)

ления, считают их в основном неважными. Но все же они чуть большее значение, чем в среднем, придают гендерной принадлежности.

Как и следовало ожидать, выигравшие члены общества, повысившие в процессе трансформаций свой социальный статус, чаще всего являются сторонниками демократических перемен и развития рыночной экономики в России. Более важно другое. Данные показывают, что они оказываются *самыми горячими* сторонниками происходящих перемен, опережая в среднем представителей верхних слоев сегодняшнего общества, т.е. тех, кто сейчас относит себя к шестой и седьмой ступеням социальной лестницы. Напомним (см. табл. 2), что среди выигравших 37 (40)% сейчас считают себя представителями средних слоев общества. Группа выигравших по численности на треть превышает верхний слой (см. табл. 1 и 2).

Указанные различия в оценках видны по многим параметрам, отражающим отношение людей к развитию демократии, рыночной экономики в России. Для примера приведем лишь данные о представлениях выигравших в результате трансформаций и верхних слоев нынешнего общества об экономическом и политическом устройстве прежнего и нынешнего общества, а также о надеждах на будущее (см. рис. 3). Как видно, представления верхних слоев нынешнего общества не отличаются принципиально от остальной части населения. Те, кто сегодня стоит на верхних двух ступеньках социальной лестницы, так же, как и все остальные, в среднем считает, что бывшая социалистическая система как и в экономике, так и по своему государственному устройству была лучше, чем то, что мы имеем сейчас. Отличия верхушки общества от остальной его части лишь в уровне оценок, а не в принципиальном их соотношении.

Позиции "выигравших" в этом смысле принципиально иные. Они считают, что уже сегодня, по сравнению с социалистической эпохой, достигнуты значительные успехи в экономике и в государственном управлении. А в ближайшие пять лет Россию ждут еще более очевидные достижения в этих областях.

Основательность, долгосрочность успеха имеет принципиальное значения с точки зрения различий в отношении выделенных групп населения к происходящим социально-политическим переменам в России. Это также наиболее ярко можно продемонстрировать на примере оценок прошлой, нынешней и будущей экономической и политической системы в стране.

Напомним, что доля тех, кто отмечал положительные изменения своего социального статуса на протяжении 1990-х годов, весьма многочисленна — это четверть населения (25%). Однако большая их часть была отнесена нами все же к "середнякам" (группа '80-90+'), поскольку оказалось, что приобретения 1990-х годов не смогли компенсировать потери социального статуса, которые были понесены в 1980-е годы. На рисунке 4 хорошо видно, что оценки происходящих в стране перемен существенно различны у тех, кого мы назвали "выигравшими" (улучшившими свое социальное положение за 20 лет перемены), и просто совокупности всех тех, кто отмечает улучшение своего социального статуса в 1990-е годы. Оценки последних в наименьшей степени (из трех рассматриваемых групп: выигравших, имеющих в настоящее время высокий социальный статус и выигравших только в 1990-е годы) отличаются от позиции населения в целом. Осознание людьми успешности развития собственного положения только в 1990-е годы, на втором этапе социально-экономических преобразований в России, не обязательно сопровождается ростом приверженности к этим преобразованиям. Большая часть тех, кому удалось улучшить свое общественное положение в этот период, все же весьма критически настроена по отношению к происходящим переменам. Таких людей скорее можно назвать приспособившимися. Не зря они были отнесены нами к середнякам, которые в результате трансформации российского общества ничего особенного не приобрели, но ничего и не потеряли.

Таким образом, анализ долгосрочной динамики социальных статусов, возможность выделения группы населения, действительно выигравшей в результате произошедших в России трансформаций, позволяет точнее определить группу сторонников этих перемен. Становится понятно, что эта группа не равна ни верхушке нынешнего общества, ни, тем более, тем, кто осознает улучшение своего социального положения в 1990-е годы (это традиционные признаки, описывающие "группы поддержки" происходящих в России перемен).

Подводя итоги, можно сказать, что в результате 20-летнего периода социально-экономических преобразований в России произошли существенные изменения социальной структуры общества. Эти изменения выразились в том, что примерно половина населения, причислявшая себя в основном к относительно благополучным слоям общества при социализме, оказалась внизу социальной лестницы. Несколько меньше по размерам доля тех, кто при социализме формировал среднюю часть общества и в результате трансформаций смог в целом сохранить свои позиции*. Верхушку социальной лестницы, весьма малую по размерам, занимают сейчас те, кто при социализме относил себя к общественным низам**. В совокупности, такие перемены привели к снижению средних статусных самооценок по обществу в целом.

* Не следует путать эту среднюю часть общества ("середняков") со "средним классом". Это именно середина, которая может (и хочет? Или должна, потому что нет другого выхода?) приспособиваться в любых жизненных обстоятельствах.

** Этот вывод не противоречит результатам исследований элит советского и нынешнего общества, в которых была показана их преэминентность. В данной работе анализируются результаты массового опроса, который, по определению, не затрагивает ни элиту, ни социальное дно.